

ИМЕНЕМ КЫРГЫЗСКОЙ РЕСПУБЛИКИ
ЗАКЛЮЧЕНИЕ КОНСТИТУЦИОННОГО СУДА
КЫРГЫЗСКОЙ РЕСПУБЛИКИ

к проекту Закона Кыргызской Республики «О внесении изменения в
Конституцию Кыргызской Республики»

10 декабря 2025 года

город Бишкек

Конституционный суд Кыргызской Республики в составе председательствующего - Осконбаева Э.Ж., судей Айдарбековой Ч.А., Бобукеевой М.Р., Дуйшеева К.А., Жолдошевой Л.Ч., Касымалиева М.Ш., Кыдырбаева К.Дж., Шаршеналиева Ж.А. при секретаре Арзыматовой А.Дж., руководствуясь частью 1, пунктом 5 части 2 статьи 97 Конституции Кыргызской Республики, пунктом 5 части 1 статьи 4, частью 3 статьи 17 конституционного Закона «О Конституционном суде Кыргызской Республике» рассмотрел по письменной процедуре дело о даче заключения к проекту Закона Кыргызской Республики «О внесении изменения в Конституцию Кыргызской Республики».

Поводом и основанием к рассмотрению дела явилось представление Президента Кыргызской Республики Садыра Нургожоевича Жапарова.

Заслушав информацию судьи-докладчика Дуйшеева К.А., проводившего подготовку дела к судебному заседанию, и, исследовав представленные материалы, Конституционный суд Кыргызской Республики

У С Т А Н О В И Л:

В Конституционный суд Кыргызской Республики 2 декабря 2025 года поступило представление Президента Кыргызской Республики С.Н. Жапарова о даче заключения к проекту Закона Кыргызской Республики «О внесении изменения в Конституцию Кыргызской Республики».

В справке-обосновании к проекту Закона обращается внимание на то, что статья 23 Конституции закрепляет права и свободы человека как высшие ценности Кыргызской Республики, а статья 20 отдельно выделяет детей в качестве одной из таких ценностей. Соответственно, законодательство, в частности статья 16 Кодекса о детях, возлагает на государство обязанность обеспечивать личную неприкосновенность ребенка, защищать его честь и достоинство и охранять от любых форм насилия. В документе также отмечается, что вопросы защиты жизни и половой неприкосновенности затрагивают не только детей, но и женщин, которые наряду с детьми рассматриваются как наиболее уязвимые группы, что обуславливает необходимость более внимательного и приоритетного подхода к обеспечению их безопасности.

Эти государственные обязательства согласуются с международными нормами, такими как Конвенция ООН о правах ребенка и Декларация об искоренении насилия в отношении женщин, которые ориентируют государства-участники на формирование эффективных механизмов предупреждения и пресечения насильственных преступлений.

Однако на сегодняшний день, как указано в приведенных статистических данных, подтверждается факт роста особо тяжких преступлений, связанных с убийствами и сексуальным насилием в отношении детей и женщин. Такая динамика свидетельствует о посягательствах на фундаментальные ценности, включая право на жизнь и половую неприкосновенность детей и женщин, относящиеся к числу высших и особо охраняемых прав.

В этой связи проект Закона предусматривает возможность установления

смертной казни как исключительной меры наказания за изнасилование детей и за убийство, сопряженное с изнасилованием, путем внесения соответствующих изменений в статью 25 Конституции. В случае принятия предлагаемых изменений вопросы, связанные с международными обязательствами Кыргызской Республики, предполагается решать в рамках последующих правовых и иных необходимых процедур. Точнее, отменить Закон «О присоединении Кыргызской Республики ко Второму Факультативному протоколу к Международному пакту о гражданских и политических правах, направленному на отмену смертной казни, принятому резолюцией 44/128 Генеральной Ассамблеи ООН от 15 декабря 1989 года».

Указанное представление Президента Кыргызской Республики о даче заключения к проекту Закона Кыргызской Республики «О внесении изменения в Конституцию Кыргызской Республики» подлежит рассмотрению Конституционным судом в силу прямого предписания пункта 5 части 2 статьи 97, части 4 статьи 116 Конституции и пунктом 5 части 1 статьи 4, частью 3 статьи 17 конституционного Закона «О Конституционном суде Кыргызской Республики».

Ввиду чего определением судьи-докладчика К.А. Дуйшеева от 3 декабря 2025 года рассмотрение дела было назначено на 10 декабря 2025 года.

По рассматриваемому делу были запрошены правовые позиции Верховного суда Кыргызской Республики, Генеральной прокуратуры Кыргызской Республики, Омбудсмана (Акыйкатчы) Кыргызской Республики, Министерства иностранных дел Кыргызской Республики, Министерства внутренних дел Кыргызской Республики, Министерства юстиции Кыргызской Республики и Государственного комитета национальной безопасности Кыргызской Республики.

Верховным судом было отмечено, что право на жизнь является неотъемлемым и абсолютным, принадлежит каждому человеку от рождения и составляет фундамент всей правовой системы государства.

В этой связи подчеркивается, что государство, провозгласившее в

Конституции принцип уважения человеческой жизни, несет положительное обязательство по обеспечению ее защиты и неприкосновенности, что предполагает формирование такой государственной политики, которая ориентирована на максимальное сохранение человеческой жизни.

В своей правовой позиции Верховный суд указал, что восстановление смертной казни, предполагающее намеренное и необратимое лишение жизни государством, представляет собой концептуальный отход от конституционных установлений и фактически изменяет направленность правового развития страны, основанного на гуманизме и ценности человеческой личности.

По их мнению, предлагаемое восстановление смертной казни также не соответствует целям уголовного законодательства, поскольку ее исключительный карательный характер также противоречит гуманистической направленности правового регулирования. Верховный суд подчеркнул, что эффективность предупреждения преступлений определяется не суровостью наказания, а его неотвратимостью.

Исходя из изложенного, Верховный суд выразил свою позицию о несовместимости восстановления смертной казни с принципами правового государства, конституционными ценностями, а также задачами уголовного законодательства.

Министерство иностранных дел в своей правовой позиции отмечает, что в соответствии со статьей 55 Конституции права и свободы человека и гражданина в Кыргызской Республике признаются и гарантируются в соответствии с общепризнанными принципами и нормами международного права, а также международными договорами, участницей которых является Кыргызская Республика.

В этом контексте указывается, что Кыргызская Республика 16 марта 2010 года присоединилась ко Второму Факультативному протоколу к Международному пакту о гражданских и политических правах,

направленному на отмену смертной казни, принятому резолюцией 44/128 Генеральной Ассамблеи ООН от 15 декабря 1989 года.

Присоединение к указанному Протоколу повлекло принятие Кыргызской Республикой международно-правового обязательства окончательно отказаться от применения смертной казни, что нашло свое конституционное закрепление в виде императивного запрета смертной казни, установленного частью 1 статьи 25 Конституции.

При этом, указанное Министерство особо отмечает, что Второй Факультативный протокол не относится к числу договоров, которые по своей природе подразумевают право на денонсацию, поскольку он кодифицирует в договорной форме универсальные и неотъемлемые права человека, закрепленные во Всеобщей декларации прав человека, что делает его обязательства постоянными и необратимыми.

Исходя из изложенного, Министерство иностранных дел подчеркивает, что представленный проект Закона Кыргызской Республики «О внесении изменения в Конституцию Кыргызской Республики» не только противоречит международным обязательствам страны, но и создает серьезные риски для ее международного положения, включая возможную изоляцию в мировом сообществе и блокирование глобальных инициатив Кыргызской Республики.

Генеральная прокуратура и Министерство юстиции выразили схожую с Министерством иностранных дел позицию.

Вместе с тем Министерство юстиции в дополнение отметило, что по преступлениям, совершенным в отношении детей, и по убийствам, сопряженным с изнасилованием, наказание должно предусматриваться исключительно в виде пожизненного лишения свободы, исключающего возможность смягчения наказания через применение помилования, амнистии или условно-досрочного освобождения.

Акыйкатчы (Омбудсмен) указал на приверженность Кыргызской Республики принципу неотъемлемости права на жизнь, а также на принятые ею международные обязательства воздерживаться от применения смертной казни при любых обстоятельствах.

Восстановление смертной казни, по мнению Омбудсмана, может вступить в противоречие не только с международными обязательствами Кыргызской Республики, но и с духом Конституции, основанной на принципах гуманизма и верховенства права. Акыйкатчы подчеркивает, что, несмотря на справедливое стремление общества к усилению мер ответственности за тяжкие преступления, решения должны приниматься с опорой на долгосрочные интересы общества, гарантии справедливого суда и уважение к человеческому достоинству. Особое внимание обращается на необратимые последствия возможных ошибок при применении смертной казни.

На основании изложенного Акыйкатчы (Омбудсмен) не поддерживает проект Закона «О внесении изменения в Конституцию Кыргызской Республики».

Министерство внутренних дел в своей правовой позиции обращает внимание на увеличение числа особо тяжких преступлений против детей, в том числе преступлений, сопряженных с насилием, что, по мнению ведомства, создает серьезную угрозу общественной безопасности и требует усиления эффективности уголовно-правового реагирования.

Для этого, Министерством, указывается на необходимость укрепления материально-технического и кадрового потенциала следственных органов и экспертных учреждений, расширения доступа к криминалистическим экспертизам, а также повышения качества расследования и судебного разбирательства по делам данной категории.

Кроме того, Министерство отмечает целесообразность введения специального предусмотренного законом срока между вынесением судебного решения и его исполнением по делам об особо тяжких преступлениях против детей. Такой срок, по их мнению, необходим для минимизации риска судебных ошибок и установления возможной причастности осужденного к иным преступлениям.

Государственный комитет национальной безопасности в своей правовой позиции отметил, что предложений и замечаний к проекту не имеет.

Конституционный суд, рассмотрев представление Президента Кыргызской Республики, обсудив позиции государственных органов, и, исследовав приложенные материалы, пришел к следующим выводам.

1. В соответствии с пунктом 5 части 1 статьи 4, частью 3 статьи 17 конституционного Закона «О Конституционном суде Кыргызской Республики» Конституционный суд дает заключение к проекту закона об изменениях и дополнениях в Конституцию оценивая его на соответствие фундаментальным правам и свободам человека и гражданина, допустимости их ограничений, принципам демократического, правового, светского государства, предусмотренному статьей 116 Конституции порядку внесения изменений и дополнений в нее.

Таким образом, предметом рассмотрения Конституционного суда Кыргызской Республики по данному делу является проект Закона Кыргызской Республики «О внесении изменения в Конституцию Кыргызской Республики» следующего содержания:

«Закон Кыргызской Республики «О внесении изменения в Конституцию Кыргызской Республики»

Статья 1.

Внести в Конституцию Кыргызской Республики, принятую референдумом (всенародным голосованием) Кыргызской Республики 11 апреля 2021 года, следующее изменение:

- часть первую статьи 25 изложить в следующей редакции:

«1. Каждый имеет неотъемлемое право на жизнь. Посягательство на жизнь и здоровье человека недопустимо. Никто не может быть произвольно лишен жизни.

Смертная казнь может быть установлена законом только за изнасилование детей, убийство, сопряженное с изнасилованием.».

Статья 2.

Настоящий Закон вступает в силу со дня официального опубликования.».

2. Конституция Кыргызской Республики является учредительным правовым актом высшей юридической силы, посредством которого народ как носитель суверенитета задает архитектуру публичной власти, фиксирует основы конституционного строя и гарантии прав и свобод человека и гражданина. Сама преамбула Конституции формулирует исходные ценностные координаты этого учредительного решения — верховенство права, справедливость и равноправие, приоритет защиты прав и свобод, общечеловеческих принципов, опору на духовно-нравственные основания, а также ответственность перед нынешними и будущими поколениями. Ее общеобязательность превращают конституционные предписания в общий правовой масштаб, обеспечивая преемственность и предсказуемость правового развития, формируя доверие к институтам и удерживая в границах права как публичную власть, так и общество в целом.

В силу этого Конституция выполняет не только регулятивную, но и ценностно-ориентирующую функцию: она выступает правовой мерой государства и критерием, по которому соизмеряются политика, законодательство и практика правоприменения. Тем самым Конституция является юридической опорной точкой правопорядка — нормативным центром, вокруг которого выстраивается система источников права и обеспечивается единство правового развития.

Стабильность Основного Закона выражает не неподвижность текста, а устойчивость фундаментальных правил, без которых право перестает быть надежной гарантией и утрачивает охранительную силу, превращаясь в переменную величину, зависящую от текущей конъюнктуры. Частый и упрощенный пересмотр Конституции неизбежно снижает ее авторитет, размывает принцип правовой определенности и создает угрозу произвольной перенастройки баланса властей и объема правовых гарантий. Отсюда следует, что стабильность Конституции является самостоятельной и важной конституционной ценностью: она поддерживает преемственность государственности и защищает конституционную идентичность — смысловой стержень, задающий пределы допустимых трансформаций.

3. Конституция, оставаясь устойчивой, не утрачивает качества живого правового инструмента, она должна сохранять способность отвечать на объективные изменения общественной жизни. Современный мир характеризуется ускорением технологического развития, трансформацией экономических моделей, новыми вызовами безопасности, изменением характера социальных коммуникаций и усилением взаимозависимости государств. Эти процессы могут порождать ситуации, когда прежние конституционные положения требуют уточнения или адаптации.

Однако сама возможность пересмотра не отменяет принципа исключительности конституционных поправок как меры последнего порядка. Поэтому внесение изменений в Конституцию оправдано лишь при наличии веских, проверяемых и объективно подтверждаемых оснований, вытекающих из глубоких и устойчивых изменений общественной жизни, когда цели конституционного развития невозможно достигнуть средствами обычного законодательства, институциональной модернизации либо конституционно согласованного толкования без риска затронуть базовые принципы и гарантии. В этом смысле поправка выступает *ultima ratio* — крайней юридической мерой, допускаемой для совершенствования конституционного порядка, но недопустимой как способ ситуативного реагирования, способный размыть смысловые основы, закрепленные в конституционных принципах.

Вследствие этого обращение к конституционным изменениям как к такой крайней мере предполагает, что их допустимость определяется не одним лишь соблюдением процедуры, а совокупностью взаимосвязанных процедурных и материальных пределов, образующих единую систему конституционных сдержек.

Процедурный предел выражается в строго определенном порядке внесения и принятия изменений, назначение которых обеспечить легитимность и взвешенность конституционного решения путем общественного обсуждения, соблюдение установленного круга субъектов инициативы, специальные кворумы и квалифицированное большинство, последовательность стадий рассмотрения. Процедура здесь не формальность,

а гарантия от импульсивности, поскольку она создает фильтр и институциональную проверку мотивов, принуждая аргументы пройти испытание рациональностью и общественной верификацией.

Материальный предел, в свою очередь, означает, что даже безупречное соблюдение процедуры само по себе не легитимирует поправку, и не всякое формально возможное изменение является юридически допустимым. Конституционный текст способен обновляться, но не должен утрачивать защитную функцию по отношению к человеку и ограничениям публичной власти. Недопустимы также поправки, которые вступают в противоречие с базовыми принципами конституционного строя и нарушают внутреннюю согласованность Конституции как целостной системы, ослабляют фундаментальные гарантии прав и свобод, превращая их в условные обещания, ставят под сомнение добросовестность государства в исполнении международных обязательств и тем самым разрушают доверие как внутри страны, так и во внешних правовых отношениях.

Таким образом, институт конституционных поправок предполагает строгое различие между допустимой адаптацией и недопустимой трансформацией. Поправка может уточнять форму, совершенствовать механизмы и повышать эффективность конституционных гарантий, однако она не вправе разрушать их достигнутый уровень и обращать права и свободы вспять, поскольку в сфере основных прав действует логика недопустимости регресса, при которой изменение может иметь лишь созидательный, усиливающий вектор. Конституция допускает развитие, но не допускает утраты своих смысловых оснований, к числу которых относятся достоинство человека, верховенство права и ограниченность власти, и именно эти основания очерчивают предел, за которым поправка перестает быть обновлением и превращается в умаление.

4. Установив принцип исключительности конституционных поправок и систему взаимосвязанных пределов их допустимости, Конституция одновременно закрепляет институциональную гарантию, призванную придать этим требованиям практическую обязательность. В силу статьи 116

Конституции получение заключения Конституционного суда является обязательным элементом процедуры пересмотра, что превращает изменение Основного Закона в юридически проверяемое решение, соизмеряемое с конституционными основаниями и ограничениями, уже заданными самим конституционным порядком. Тем самым участие Конституционного суда выступает механизмом конституционного самоконтроля и самоограничения государства в целом, поскольку конституционная поправка не должна восприниматься как производная одной лишь политической воли или арифметики большинства. До завершения процедуры она обязана пройти независимую правовую оценку на соответствие конституционным основаниям и пределам. В этом проявляется простая идея конституционализма: власть может изменять правила, но не вправе освободить себя от правила быть связанной правом. В связи с этим Конституция не ограничивается провозглашением принципов, а закрепляет юридически оформленный способ их применения к конкретному проекту поправок, передавая эту функцию Конституционному суду и определяя рамки его заключения законом.

Содержательное назначение такого заключения раскрывается в конституционном Законе «О Конституционном суде Кыргызской Республики», который определяет предмет оценки суда применительно к проекту закона об изменениях и дополнениях в Конституцию, в части соотношения фундаментальным правам и свободам человека, гражданина, включая допустимость их ограничений, принципам демократического, правового и светского государства, а также требованиям статьи 116 Конституции относительно конституционно установленного порядка.

Конституционный суд, действуя как независимый и институционально нейтральный субъект, не отождествляет себя ни с инициаторами поправок, ни с органами публичной власти, ни с частными интересами; его задача — дать целостную оценку конституционной допустимости предлагаемых изменений в логике и пределах, уже сформулированных Конституцией и конституционным Законом. При этом заключение Конституционного суда не подменяет усмотрение субъектов конституционной инициативы, а

устанавливает правовые границы, в которых такое усмотрение может быть реализовано без утраты учредительного смысла Конституции и без выхода за рамки конституционного правопорядка.

Как следствие, юридическое значение заключения Конституционного суда состоит не в консультативной рекомендации, а в обязательной конституционной предпосылке дальнейшего движения проекта. Положительное заключение подтверждает возможность конституционно необходимого условия для продолжения процедуры в установленном порядке. Отрицательное заключение, напротив, фиксирует отсутствие такого условия, когда предлагаемые изменения по своему правовому эффекту вступают в противоречие с основополагающими принципами и системной логикой Конституции, ведут к несоответствию и недопустимому снижению уровня конституционных гарантий прав и свобод, не согласуются с международными обязательствами Кыргызской Республики либо не укладываются в рамки статьи 116 как конституционно установленного порядка пересмотра. Исходя из этого дальнейшее продвижение проекта по процедуре внесения изменений в Конституцию исключается.

5. Развивая изложенное выше о предмете заключения Конституционного суда и о том, что допустимость конституционных изменений оценивается через их влияние на фундаментальные права и свободы человека и гражданина, следует подчеркнуть, что именно система прав и свобод образует ценностно-нормативный центр Конституции. Закрепляя права в тексте Основного Закона, народ превращает их из морального постулата в юридически обязательную гарантию, которая имеет двойную природу. С одной стороны, она утверждает за человеком сферу автономии и защищенности, с другой — устанавливает для государства пределы допустимого вмешательства и задает критерий, по которому оценивается правомерность как текущего регулирования, так и конституционного пересмотра. Поэтому в конституционном измерении важно не только признание права, но и сохранение достигнутого уровня его охраны, поскольку

право перестает быть гарантией тогда, когда оно становится переменной величиной, зависящей от изменчивого усмотрения.

В этой системе право на жизнь занимает первичное, конститутивное положение. Оно не сводится к одному из прав, а составляет онтологическое основание правового статуса личности, поскольку без существования человека невозможна реализация каких-либо иных свобод, интересов и гарантий. Поэтому оно является не просто одним из фундаментальных прав, а правом-предпосылкой, без которого совокупность прав и свобод утрачивает реальное содержание. Свобода, достоинство, неприкосновенность личности, доступ к правосудию, собственность, образование, участие в публичной жизни, все это предполагает существование человека как носителя прав. Поэтому жизнь в конституционном измерении выступает не объектом охраны, а условием самой возможности конституционного статуса личности, а именно она задает предел, за которым право перестает работать как механизм защиты и превращается в декларацию без адресата.

По этой причине конституционная охрана жизни означает больше, чем запрет произвольного лишения жизни. Она выражает обязанность государства строить правовой порядок так, чтобы жизнь защищалась максимально возможными правовыми средствами, а любые исключения из этой охраны допускались лишь при сохранении сущности права и при недопущении превращения жизни в предмет санкции. Смертная казнь в данном контексте является не одной из мер наказания повышенной строгости, а качественно иной правовой конструкцией, поскольку предполагает окончательное и необратимое лишение жизни по воле государства. Ее необратимость исключает возможность восстановления нарушенного права и делает ошибку правоприменения фатальной, что несовместимо с гарантийной природой Конституции, ориентированной на охрану человека и на минимизацию невосполнимых потерь.

Предлагаемая поправка затрагивает именно этот уровень конституционных гарантий. Проект Закона предусматривает изложение части первой статьи 25 в редакции, которая, наряду с провозглашением

неотъемлемого права на жизнь и запретом произвольного лишения жизни, допускает установление смертной казни законом только за изнасилование детей и убийство, сопряженное с изнасилованием. Тем самым в конституционный текст вводится конструкция, переводящая охрану жизни в режим условной обратимости, зависимой от последующего законодательного усмотрения. Если Конституция в своей гарантийной функции призвана ограничивать возможность государства обращаться с жизнью как с объектом санкции, то включение в нее оговорок о допустимости смертной казни означает институционализацию противоположного подхода, при котором лишение жизни допускается как юридически нормируемый инструмент уголовной политики. В результате меняется не частный элемент регулирования, а сама логика охраны права на жизнь, поскольку допускается окончательное лишение жизни в качестве легитимного действия государства.

Историко-правовое развитие Кыргызской Республики подтверждает, что ранее государством был осуществлен иной, последовательно оформленный выбор, направленный на усиление гарантий права на жизнь и гуманизацию и либерализацию уголовной политики. Установление моратория на исполнение смертных приговоров в 1998 году и его последующие продления завершились Указом Президента от 29 декабря 2005 года №667, которым мораторий был продлен до полной отмены смертной казни законодательным путем, а также были даны поручения по подготовке решений, обеспечивающих отмену смертной казни и присоединение к международным механизмам ее окончательной отмены. Дальнейшие шаги носили не ситуативный, а институциональный характер: в 2006 году была внесена конституционная поправка, отменяющая смертную казнь, в 2007 году последовали изменения уголовного законодательства, а Конституция 2010 и 2021 годов закрепила окончательный запрет смертной казни. Этот ряд решений выражает сформированный правопорядком более высокий уровень охраны права на жизнь, закрепленный не только в политической практике, но и в нормативных актах конституционного уровня. Он демонстрирует не временное ограничение применения смертной казни, а последовательное институциональное

оформление гуманистического и либерального выбора государства, при котором приоритет права на жизнь и достоинства личности был закреплён через нормативные решения повышенного уровня. Следовательно, достигнутый уровень охраны жизни приобрёл характер устойчивой конституционной гарантии.

Вследствие этого предлагаемое конституционное допущение смертной казни по своему правовому эффекту означает не уточнение конституционного регулирования, а снижение достигнутого уровня охраны права на жизнь и изменение самой направленности конституционной гарантии. Поправка переносит жизнь из сферы безусловной защиты в сферу условной обратимости, поскольку допускает окончательное лишение жизни как юридически нормируемый инструмент уголовной политики. В результате право на жизнь перестаёт выступать высшей конституционной гарантией и фактически ставится в зависимость от законодательного усмотрения, что не согласуется с его неотъемлемым, абсолютным характером и с ролью статьи 25 как предельного конституционного барьера охраны личности.

Отсюда следует принципиальный вывод для оценки допустимости предлагаемого изменения. Поправка, вводящая смертную казнь в конституционный текст, по своему правовому эффекту означает снижение достигнутого уровня конституционной защиты права на жизнь и тем самым образует регресс (non-regression) в сфере фундаментальных прав. В логике конституционных ограничений, изложенной выше, подобное обратное движение/эволюция не может быть квалифицировано как допустимая адаптация, поскольку оно изменяет не форму и не механизм гарантий, а их смысловую направленность, ослабляя охранительную функцию самой Конституции как таковой. В сфере основных прав действует презумпция недопустимости регресса, при которой развитие может иметь только усиливающий, созидательный вектор, иначе такая поправка перестаёт быть обновлением и превращается в умаление.

Таким образом, Конституционный суд считает, что предлагаемая редакция части первой статьи 25, допускающая установление смертной казни,

вступает в прямое противоречие с конституционным стандартом охраны права на жизнь и, допуская регрессивное снижение уровня его гарантированности, означает отступление от принципов демократического и правового государства, что исключает признание такой поправки конституционно допустимой.

6. Конституция, признавая общепризнанные принципы и нормы международного права, а также международные договоры частью правовой системы (часть 3 статья 6), фиксирует конституционный выбор правовой связности государства. Этим выбором на уровне Основного Закона закрепляется открытая (интегрированная) модель правовой системы, в рамках которой международные обязательства государства утрачивают характер внешнего, факультативного ориентира и приобретают внутрисистемную юридическую релевантность. Следовательно, государство обязано соизмерять внутренние решения с теми обязательствами, которые добровольно приняты на международном уровне.

Юридическое содержание данной конституционной установки проявляется, прежде всего, в ее обязывающем эффекте для всех ветвей власти.

Нормотворческие и управленческие решения органов государственной власти должны приниматься в соотнесении с ратифицированными и действующими международными договорами, поскольку их игнорирование образует не просто дефект политико-управленческого выбора, а конституционно значимое нарушение параметров правовой системы, в которую соответствующее обязательство уже включено.

В свою очередь, судебная власть реализует это требование, в том числе через конституционное судопроизводство. Конституционный суд, оценивая содержание, смысл и применение национальных актов, исходит из презумпции согласованности внутреннего регулирования с принятыми международными обязательствами. Он обязан обеспечивать такое толкование и такую юридическую квалификацию, которые исключают нормативный разрыв между конституционным порядком и международно-правовой ответственностью государства. В этом выражается не риторика, а сущность

правового государства: право есть форма связности и последовательности публичного обещания, обеспечивающая предсказуемость поведения государства и удерживающая власть в горизонте ответственности.

При этом государство не может обосновывать неисполнение международного договора ссылками на особенности своего внутреннего правового регулирования. Данный императив закреплен Венской конвенцией о праве международных договоров: участник не может ссылаться на положения внутреннего права как на основание невыполнения договора (статья 27), а каждый действующий договор обязателен для участников и подлежит добросовестному исполнению (*pacta sunt servanda*) (статья 26).

Вместе с тем указанная Конвенция регулирует не только обязанность добросовестного исполнения, но и условия прекращения договора, его денонсации, выхода из него либо приостановления его действия. Эти юридические последствия наступают не по усмотрению государства, а лишь в результате применения положений самого договора или норм Конвенции, что закрепляет принцип продолжения договорной связности обязательства (статья 42). Поэтому, если договор не содержит положений о прекращении и не предусматривает денонсации или выхода, право на односторонний выход не предполагается и допускается лишь в строго исключительных случаях, когда установлено намерение участников допустить такую возможность либо право выхода подразумевается характером договора (статья 56).

А в случае, если внутреннее нормативное решение или практика его применения по своему правовому эффекту приведут к несовместимости с действующим международным обязательством либо к его фактическому неисполнению, такая ситуация может быть квалифицирована не только в плоскости международно-правовой ответственности, но и как нарушение конституционной добросовестности публичной власти, поскольку соответствующее обязательство уже закреплено в самой Конституции. Допущенное несоблюдение также может быть квалифицировано как существенное в смысле статьи 60 Венской конвенции, ввиду этого возникает риск применения предусмотренных Конвенцией последствий для договорных

отношений. В более широкой перспективе такая несогласованность способна ослабить предсказуемость государства как контрагента, подорвать кредит доверия к нему и, как следствие, может кардинально сузить пространство международного сотрудничества, в том числе в чувствительных сферах, включая права и свободы человека, безопасность и экономические связи.

7. Рассматриваемый проект Закона Кыргызской Республики «О внесении изменения в Конституцию Кыргызской Республики» предусматривает изложение части первой статьи 25 в редакции, при которой, наряду с закреплением неотъемлемого права на жизнь, одновременно устанавливается, что смертная казнь может быть введена законом только за изнасилование детей и убийство, сопряженное с изнасилованием. Тем самым затрагивается не частный элемент уголовно-правовой политики, а сама конституционная конфигурация охраны права на жизнь в действующей модели конституционного регулирования, которая по своему назначению призвана сдерживать возможность государства прибегать к лишению жизни как к форме наказания, а не институционализировать такую возможность.

В силу природы указанного права и его места в системе фундаментальных гарантий такое изменение неизбежно приобретает значение и в международно-правовой плоскости — как в части универсальных стандартов охраны права на жизнь, так и в принятых Кыргызской Республикой договорных обязательств в данной сфере.

Международный стандарт охраны права на жизнь имеет устойчивое и общеизвестное выражение уже на уровне Всеобщей декларации прав человека, закрепляющей право каждого на жизнь, свободу и личную неприкосновенность (статья 3). В договорном измерении тот же принцип получает юридически обязательную форму в Международном пакте о гражданских и политических правах, согласно которому право на жизнь признается неотъемлемым и подлежащим защите законом, а произвольное лишение жизни запрещается (статья 6).

Вместе с тем для Кыргызской Республики ключевое значение имеет то, что международно-правовая рамка в рассматриваемой сфере не исчерпывается

общими стандартами. Кыргызская Республика присоединилась 6 декабря 2010 года ко Второму факультативному протоколу к Международному пакту о гражданских и политических правах, направленному на отмену смертной казни. Содержание этого Протокола исключает саму постановку вопроса об условиях допустимости смертной казни, поскольку устанавливает всеобщий для юрисдикции государства режим ее окончательного исключения из правового порядка и запрет казни как меры наказания, осуществляемой государством. А точнее, согласно статье 1 Протокола никто, находящийся под юрисдикцией государства-участника, не должен быть казнен, а государство обязано принять все необходимые меры к отмене смертной казни в пределах своей юрисдикции, то есть обеспечить исключение самой возможности ее назначения и исполнения в национальном правовом порядке. Протокол допускает лишь строго очерченную оговорку военного времени (статья 2) и тем самым фиксирует, что речь идет не о вариативности применения смертной казни, а о режиме принципиального запрета, направленного на ее устранение как допустимого института наказания.

Конституционный суд считает также необходимым особо подчеркнуть, что Кыргызская Республика, присоединившись в 2010 году ко Второму факультативному протоколу к Международному пакту о гражданских и политических правах, приняла на себя договорное обязательство именно об окончательной отмене смертной казни, причем в форме режима, не предусматривающего односторонней денонсации (выхода). Комитет ООН по правам человека прямо указывает, что в тексте Второго факультативного протокола денонсационная оговорка была сознательно исключена, и в этой связи разъясняет, что государства-участники не могут его денонсировать. В логике такого договорного режима отмена смертной казни приобретает юридически необратимый характер, а ее повторное введение в национальном правовом порядке не допускается.

Таким образом, проект, вводя в Конституцию формулу о возможности установления смертной казни законом, закрепляет на конституционном уровне допустимость ее восстановления как меры наказания, тогда как действующее

международное обязательство Кыргызской Республики по Второму факультативному протоколу требует противоположного — окончательной отмены смертной казни и недопущения казни в пределах юрисдикции государства. В международно-правовом измерении это означает прямое отступление от действующего договорного режима отмены смертной казни и конституционное закрепление модели, объективно ведущей к нарушению принятого обязательства, с возникновением риска международно-правовой ответственности и предусмотримых последствий для договорных отношений государства.

В свою очередь, во внутригосударственном, конституционном измерении такое расхождение разрушает принцип внутренней согласованности правопорядка, поскольку часть 3 статьи 6 Конституции включает международные договоры в состав правовой системы Кыргызской Республики. Соответственно, речь идет не о внешней коллизии, а о конституционно значимом внутрисистемном противоречии, при котором предлагается закрепить в Конституции разрешение, несовместимое с действующим международным обязательством, уже включенным в правовой порядок самим Основным Законом. При таком соотношении Конституция превращалась бы в источник нормативного самопротиворечия, поскольку одновременно утверждала бы обязательность международного режима отмены и закрепляла бы возможность его преодоления внутренним законодательным усмотрением.

8. Проект Закона Кыргызской Республики «О внесении изменения в Конституцию Кыргызской Республики» внесен по инициативе Президента Кыргызской Республики и предусматривает изменение нормы, относящейся ко второму разделу Конституции (статья 25). В силу статьи 116 Конституции такие изменения принимаются посредством референдума (всенародного голосования), назначаемого Президентом, при соблюдении конституционно установленной последовательности стадий и ограничений, включая запрет принятия Конституции и внесения в нее изменений в период чрезвычайного или военного положения.

Одним из элементов данной процедуры является заключение Конституционного суда Кыргызской Республики. В соответствии с частью 4 статьи 116 Конституции дача заключения Конституционного суда выступает обязательной частью механизма пересмотра и превращает конституционную поправку в юридически проверяемое решение, соразмеряемое с пределами и основаниями, заданными самой Конституцией. Как было раскрыто в пункте 4 настоящей мотивировочной части, такое юридическое значение заключения состоит в том, что оно является конституционно необходимой предпосылкой дальнейшего движения проекта: положительное заключение подтверждает наличие такого условия для продолжения процедуры, тогда как отрицательное заключение означает отсутствие этого условия в случаях, когда предлагаемые изменения по своему правовому эффекту вступают в противоречие с основополагающими принципами и системной логикой Конституции, ведут к недопустимому снижению уровня конституционных гарантий прав и свобод и (или) не согласуются с международными обязательствами Кыргызской Республики.

В рассматриваемом деле, как последовательно обосновано в пунктах 5–7 настоящей мотивировочной части, предлагаемый проект Закона по своему правовому эффекту, во-первых, ведет к регрессивному снижению достигнутого уровня конституционной охраны права на жизнь, и, во-вторых, закрепляет нормативную конструкцию, несовместимую с действующими международными обязательствами Кыргызской Республики в сфере окончательной отмены смертной казни, включенными в ее правовую систему. Указанные обстоятельства в их совокупности означают, что проект вступает в противоречие с Конституцией Кыргызской Республики и не отвечает конституционно заданным пределам пересмотра. Следовательно, отсутствует конституционно необходимое условие для продолжения процедуры в порядке статьи 116, а потому дальнейшее продвижение проекта, включая инициирование и назначение референдума по данному вопросу, конституционно не допускается.

На основании вышеизложенного, руководствуясь пунктом 5 части 2, частью 4 статьи 97, частью 4 статьи 116 Конституции Кыргызской Республики, статьями 38, 48, 49, 52 и 53 конституционного Закона «О Конституционном суде Кыргызской Республики», Конституционный суд Кыргызской Республики пришел к следующему

ЗАКЛЮЧЕНИЮ:

1. Проект Закона Кыргызской Республики «О внесении изменения в Конституцию Кыргызской Республики» не соответствует Конституции Кыргызской Республики.

2. Проект Закона Кыргызской Республики «О внесении изменения в Конституцию Кыргызской Республики» не может быть вынесен на референдум и все процедуры по реализации инициативы для его принятия подлежат прекращению с момента вступления в силу настоящего Заключение.

3. Заключение окончательное и обжалованию не подлежит, вступает в силу со дня его опубликования на официальном сайте Конституционного суда.

4. Заключение обязательно для всех государственных органов, органов местного самоуправления, должностных лиц, общественных объединений, юридических и физических лиц и подлежит исполнению на всей территории республики.

5. Опубликовать настоящее Заключение в официальных изданиях органов государственной власти, на официальном сайте Конституционного суда Кыргызской Республики и в «Вестнике Конституционного суда Кыргызской Республики».

Председательствующий:

Э.Ж. Осконбаев

Судьи:

Ч.А. Айдарбекова

М.Р. Бобукеева

К.А. Дуйшеев

Л.Ч. Жолдошева

М.Ш. Касымалиев

К.Дж. Кыдырбаев

Ж.А. Шаршеналиев

№ _____